

В.И. ИВАНОВ О Ф.М. ДОСТОЕВСКОМ И СУДЬБАХ РОССИИ

С.Г. Сычева

Томский политехнический университет

E-mail: svetsych@mail.ru

Исследованы взгляды В.И. Иванова на творчество Ф.М. Достоевского, в том числе на идеи писателя о судьбах России. Показано, что идеализм В.И. Иванова, вслед за Ф.М. Достоевским принимающего идею теократии, как возможного пути развития России, является для него, в рамках символизма, высшим реализмом. Отмечено, что после 1931 г. взгляды В.И. Иванова на творчество Ф.М. Достоевского меняются от безоговорочного признания до критики.

Ключевые слова:

В.И. Иванов, творчество Ф.М. Достоевского, судьбы России.

Key words:

V.I. Ivanov, the creativity of F.M. Dostoevsky, the fortune of Russia.

Проблемы духовного самоопределения России актуальны всегда. Они находят свое решение в творчестве гениальных умов русского народа. Важно обратиться в культурное прошлое, чтобы найти ответы на вопросы о будущем. В данной статье речь пойдет о творчестве Ф.М. Достоевского в интерпретации В.И. Иванова. Мы покажем, насколько близки два мыслителя по своему мировоззрению, покажем преемственность их идей, а также проанализируем отношение русского символиста к творческому наследию Ф.М. Достоевского, касающегося духовных судеб России.

Тема влияния Ф.М. Достоевского на В.И. Иванова практически не исследована. Нам удалось найти всего две статьи, посвященных этому вопросу [1, 2]. В первой статье дается глубокая характеристика влияния писателя на поэта. Также говорится недооценке В.И. Ивановым психологизма Ф.М. Достоевского. Вторая статья содержит несколько цитат из В.И. Иванова и не представляется серьезным исследованием. Представляемый нами текст есть попытка заполнить некоторые пробелы в решении данной проблемы.

В 1916 г. выходит книга В.И. Иванова «Борозды и межи», в которую входит статья «Достоевский и роман-трагедия». В ней определено значение писателя для духовной жизни России. К тому времени со дня смерти Достоевского прошло 35 лет. За это время многие властители дум, бывшие некогда популярными, сошли с культурно-исторической сцены, перестали влиять на умонастроение людей. С Ф.М. Достоевским всё иначе. Его творчество — современно, его образы — реальная жизнь, его вопросы будоражат воображение, его ответы — удивляют и поражают. Иванов пишет: «Достоевский был змий, открывший познание путей отъединенной, самодовлеющей личности и путей личности, полагающей своё вселенское бытие в Боге. Так он сделал нас богами, знающими добро и зло, и оставил нас, свободных выбирать то или другое, на распутье» [3. С. 403].

В.И. Иванов выделяет несколько гениальных романистов, из творчества которых вырастают

произведения Ф.М. Достоевского: Ж.-Ж. Руссо, Ф. Шиллер, О. де Бальзак, Ч. Диккенс, Э.Т.А. Гофман, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов.

Если, начиная с конца эпохи Возрождения, с М. де Сервантеса, роман обретает комический смысл, то позднее возникает роман-трагедия, нашедший в текстах Ф.М. Достоевского своё возвышенное развитие.

Поэт называет книги писателя «романами-трагедиями» [3. С. 411], ибо все они приводят к катастрофической развязке. Из последовательного повествования Ф.М. Достоевского нельзя изъять ни предложения, ни слова. Все увязано в один жесткий сюжет. Это трагедия *sui generis*. Аристотель развил понятие катарсиса в связи с учением о трагедии [4. С. 651]. Если рассуждать в общем, то катарсис — это очищение от страха и сострадания в состоянии экстаза от восприятия трагического искусства, в состоянии дионисийского иступления. В творчестве Ф.М. Достоевского душа читателя проходит тяжелый путь от страдания к блаженству, очищаясь и поднимаясь от ада к небесам.

В.И. Иванов выделяет три уровня в повествовании писателя: метафизический, психологический и прагматический. Первый, самый высокий уровень, показывает борьбу Бога и Дьявола в сердцах людей, второй — душевные потрясения, приводящие к катастрофе; наконец, самый низший уровень — прагматический — переплетение внешних условий, повлекших преступление.

В.И. Иванов называет Ф.М. Достоевского «русским Шекспиром» [3. С. 415]. Достоевский выхватывает из мрака образы, положения, события, и вновь погружает их в темноту. Музу Ф.М. Достоевского В.И. Иванов видит как дионисийскую Мэн-аду, безумную ночную служительницу бога умерщвляемого и воскресающего. Призывы Ф.М. Достоевского искать «восторга и иступления», «целовать землю», осознать свою вину «за всех и за все», что и приводит к спасению, В.И. Иванов возводит к дионисийскому переживанию.

Поэт выделяет два биографических события в судьбе писателя, определивших его творчество:

казнь, её отмена и эпилепсия. После первого события Ф.М. Достоевский открыл в себе «внутреннего человека», духовно рожденного, «преступившего через грань» [3. С. 422]; эпилепсия, «священная болезнь», дала импульс к переживанию катастрофы, не раз описанному в текстах Ф.М. Достоевского.

Герои Ф.М. Достоевского должны решать: С Богом они или против Него: в этом их трагедия и их судьба. Души, отпавшие от Бога, пребывают с Великим Инквизитором, иного пути у них нет. Это дорога в небытие. Люди, любящие Бога, верящие в Него, выбирают иной путь – путь спасения.

Остановимся на произведении В.И. Иванова «Достоевский. Трагедия – миф – мистика», написанном в 1931 г., т. е. уже через пятьдесят лет после смерти писателя.

Книга начинается с мысли о том, что Ф.М. Достоевский с нами, он не ушел, он и сейчас зажигает путеводные звезды наших судеб. Ф.М. Достоевский вывел в свет героев, которых русская литература еще не знала: людей из подполья, возмнивших себя «сверхчеловеками», которые не замечают, что рай цветет вокруг них, здесь, на земле и потому не могут обрести свободу. В этом – трагедия героев Ф.М. Достоевского, поэтому В.И. Иванов называет его роман – «трагедией, скрытой эпическим покрывалом, – такова была и "Илиада"» [3. С. 489].

Трагедиями произведения Ф.М. Достоевского являются, прежде всего, потому, что в центре действия – преступление. Это – эмпирический уровень. Во-вторых, здесь же вершится свободный выбор человека, выбор его воли – с Богом или без Него. Это – метафизический уровень. Возможность выбора делает человека единственным существом на земле, способным «жить трагически» [3. С. 495]. Ф.М. Достоевский выступает против солипсизма, выражающегося в богоборчестве, когда человек чувствует себя «мерой всех вещей» и идет ещё дальше – желает признать себя источником всеобщей морали.

Однако есть иной способ бытия – проникновение одной души в другую, трансцензус одного «я» за пределы собственной оболочки и духовное слияние с «я» другого человека, любовь к нему. В.И. Иванов пишет: «Es, ergo sum» – «Ты еси, значит, я есмь» [3. С. 502].

Л.Н. Толстой, вслед за Сократом полагал, что добру можно научить разумно, логически, при помощи доказательств. Ф.М. Достоевский же, стоит, напротив, на почве иррациональной, ведет своим повествованием к восторгу и иступлению, дионисийским по сути. В этом – спасение и исцеление человека. В.И. Иванов интерпретирует творчество Ф.М. Достоевского как реализм, и высшей реальностью является Божественный мир, в котором Христос побеждает раскол общества на индивидов, одиноких по сути, и торжествует соборность.

Нравственность писатель связывает с верой. Безверие, атеизм ведет к безнравственности. В.И. Иванов пишет: «Вера в Бога... подобна золо-

тому запасу, наличием которого гарантируется ценность личности: если фонд иссяк, личность обесценивается» [3. С. 505]. Проводя параллели с У. Шекспиром, В.И. Иванов утверждает, что религиозное чувство Ф.М. Достоевского можно сопоставить с дилеммой: «быть или не быть», верить или не верить, жить с Богом и в Боге, или вне Него.

Отмечая катастрофизм романов Ф.М. Достоевского, В.И. Иванов объясняет это бунтарством судьбы писателя. Глядя в лицо смерти, стоял Достоевский на эшафоте. Он пережил «метафизическую» смерть, он заглянул в иной мир, мир мрака и гибели. За этим последовало помилование, но сознание страдальца изменилось радикально: из него оказались изъяты гордыня и самоволие.

Произошло разделение личности на «эмпирическую» (внешний человек) и «метафизическую» (человек внутренний). «Внешний человек» продолжал обыденную, повседневную жизнь, возможно, не самую лучшую, возможно, не всегда нравственную. Но в это время «внутренний человек» рождался духовно, возвышался для религиозного подвига. Духовное одиночество приносит зло, соединение внутреннего «я» с другим дает радость спасения, благочестия, благодати.

Называя романы Ф.М. Достоевского «мистическим реализмом», В.И. Иванов пишет о том, что это – «реалистический символизм» [3. С. 517]. В символично-реалистическом творчестве художник воспринимает высшие идеальные сущности, реальнейшую реальность и в процессе творчества показывает её людям. Люди, наслаждающиеся произведением искусства, восходят от реального мира к реальнейшему, теургическому, Божественному. В этом – смысл произведений Ф.М. Достоевского. В.И. Иванов как-то сказал, что «миф есть символ, понятый как действие». Поэтому романы Ф.М. Достоевского, являясь развёрнутыми символами, представляют собой мифы в высшем смысле этого слова.

Если рассмотреть Священную историю, она состоит из нескольких этапов: творение, грехопадение, изгнание из Рая, искупление, Страшный суд, воздаяние. Сейчас народ переживает период искупления. И пока не окончен этот исторический период, человек сам решает – С Богом он или против Него. По какому пути пойдет Россия? Ф.М. Достоевский не знал этого. Он мог «только верить» (Ф.И. Тютчев), верить в спасение христианской Руси.

Основной миф Ф.М. Достоевского в романе «Бесы» [5] – это борьба Богородицы за мужское начало в народе русском, борьба против обуревавших его демонов. В своей мифологеме Ф.М. Достоевский ставит множество проблем: как возможно искупление на Руси? Как она может стать «Русью Святою»? Как достичь соборности? На эти вопросы писатель пытается ответить в своих книгах.

Русь может возвыситься, если инок, посланный в мир духовными наставниками, выполнит свою религиозную миссию. Этот сюжет разворачивается в неоконченном романе «Братья Карамазовы» [6]. Но об этом – позднее.

Первым значительным произведением Ф.М. Достоевского В.И. Иванов называет «Преступление и наказание» [7]. На страницах этой книги главный герой выпадает «из всечеловеческого единства и сферы действия нравственного закона» [5. С. 533]. Акт отъединения выражен в преступлении. Раскольников одержим идеей собственного величия. Он вызывает к жизни иллюзорный, придуманный им мир, и сам становится пленником своих фантазий. Соня указывает ему путь покаяния и, тем самым, духовного спасения.

Следующий важный герой, раскрывающий мифологему Ф.М. Достоевского – это князь Мышкин. В.И. Иванов показывает, что этот образ – платонический по сути. Он способен к анамнезу. Он напоминает высшие идеи и несет их к земле, к народу. Акт анамнезиса совершается у Мышкина во время эпилептических припадков. Он настолько погружен в духовное созерцание, что кажется окружающим чудачком, «идиотом» [8]. Князь Мышкин стремится к Земле, хочет передать свое постоянное переживание Рая другим людям. Но у него это не очень получается. Он видит, как страдают окружающие, и это, как ни парадоксально, усиливает его любовь к людям. Они не в силах увидеть то, что переживает князь, поэтому считают его «идиотом». Но в итоге «идиот» оказывается одним из мудрейших людей.

Князь Мышкин любит красоту – это источник его любви к жизни. Слова «Красота спасет мир» – одни из важнейших в романе. В то же время он понимает, что далек от реальности с её счастьем и страданием, она недостижима для него. И через это «сильнее разгорается его любовь к жизни» [3. С. 542].

Полный его антипод – Парфен Рогожин. Он, напротив, реалист и натура действия. Он полон тёмной и страшной жизненной силой. Неспособный не поступок идеалист и преступник-убийца связаны между собой, их сюжетные линии идут бок о бок. Они нераздельны, хотя и антиномичны друг другу. Князь Мышкин – дворянин по происхождению, мечтатель, и Рогожин – человек из народа, воплощающий его трагическую силу – оба любят одну женщину; но любят они и друг друга – как «побратимы».

Страшный конец романа «Идиот» завершает мифологему Ф.М. Достоевского: убийца отдаёт бездыханное тело своей возлюбленной своему кровному брату, своему другу. Всё кончено. Преступление свершилось. Миф материализовался. Но творчество Ф.М. Достоевского ещё не закончилось.

Последний роман писателя в интерпретации В.И. Иванова, на котором бы хотелось остановиться – «Братья Карамазовы» [6]. О нем поэт пишет в статье «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского». Статья вошла в сборник «Родное и вселенское» [9] и в слегка измененном виде – в книгу «Достоевский. Трагедия. Миф. Мистика».

Название статьи говорит само за себя: В.И. Иванов стремится распознать сущность Божественного

(«Лик») и Дьявольского («личины») сторон в судьбе России. Для обозначения негативной природы русской души он использует следующие образы: «Ариман», «Люцифер» (Денница), «Чорт», «Сатана», «Князь мира сего», «Бес», «Мефистофель», «Дьявол», «Демон», «человекобог». Для обозначения Божественной ипостаси – имена «Богочеловек», «Христос», «Сын Божий», «Бог». Такое количественное преобладание негативных образов над позитивными легко объяснить: Бог один, бесов – множество.

Люцифер – демон возбуждающий, толкающий к познанию – познанию добра и зла. Ариман – «дух растления» [3. С. 445], распада, смерти. Эти два негативных начала, противоборствующих и притягивающих друг друга, являются символами сатанинской природы в человеке. В.И. Иванов вспоминает «Два града» Августина Блаженного: град Земной, основанный на любви человека к себе до ненависти к Богу, и град Небесный, основанный на любви к Богу, до презрения к себе. Это – «Лик и личины России».

Поэт полагает, что вся история и культура человечества люциферична по существу: Дьявол заставляет человека проявить себя, создать нечто нетленное, превозмочь, превзойти свою самость. Творчество для человека «не губительно», оно возвышает его. Но если мы перестаем созидать, то попадаем в пучину растления, хаоса, в которой царствует Ариман, и погибаем для себя и для мира. Иванов пишет: «Люцифер ныне "князь мира сего", Ариман же его приспешник, палач, и в чаянии своем – престолонаследник» [3. С. 452]. От этих двух бесов может спасти только Сын Божий, в которого надо верить.

Итак, есть «Русь Святая» – Божественная, «Русь ариманова» – где правят насилие, предательство, нигилизм и «Русь люциферическая» – сфера жизни интеллигенции, культурного творчества, смыкающегося с атеизмом. Основателем Руси люциферической, по мнению В.И. Иванова, был Петр I.

В романе «Братья Карамазовы» каждый из братьев является символом своего аспекта русской души: Дмитрий, старший сын – узник Аримана, Иван – средний сын – люциферичен. Наконец Алеша – младший сын – воплощает собой чаяния Святой Руси. Алеша своими действиями стремится к «соборности», общению в Духе, религиозности. Ф.М. Достоевский пишет, что Россия должна стремиться стать церковным государством, «теократией». Но как это возможно?

Ф.М. Достоевский говорил о том, что русский народ – «богоносец», он делает возможным появление «русского Христа» [3. С. 464]. Эта идея не изымает дух Христов из других культур, а лишь подчеркивает особенность христианства на Руси. Особенность эта – в религиозном мировосприятии русского человека. Много душевных даров было принесено им на алтарь христианства.

Чтобы государство воплотилось в церковь, не нужна политическая власть. Нужно совершен-

ное духовное самосознание народа, поднявшегося над обыденностью общественной жизни и соединившегося с Богом, — полагает Ф.М. Достоевский. В.И. Иванов заключает: мировоззрение русского писателя можно назвать славянофильским и утопическим монархизмом, оппозиционным современному самодержавию, должным привести, в итоге, к реализации идеала теократии. В.И. Иванов пишет: «Православие и есть соборование со святынею и соборность вокруг святых» [3. С. 479].

Святая Русь всегда покоилась на праведниках, на том, что в народе были люди, принявшие в себя Бога, Его святость. Это — исток и основание агиократии — господства святых. Это и приведет к теократии, лишённой насилия и принуждения, государству воцерковлённого народа.

Сделаем некоторые выводы.

Во-первых, следует заметить, что, рассуждая о судьбах России, В.И. Иванов в исследуемых текстах не использует мифологему Диониса, что было столь характерно для его ранних работ. Это говорит об отделении в сознании поэта двух культурных пластов (древнегреческого и русского) друг от друга, о новом понимании русской судьбы. Однако в книге «Достоевский и роман-трагедия» иногда заходит речь о дионисийстве, но в связи со спецификой творчества Ф.М. Достоевского, а не в связи с проблемой духовного самоопределения России.

Во-вторых. Заметен некий утопизм рассуждений В.И. Иванова о будущем России. Его идеи перекликаются с учением славянофилов и В.С. Соловьёва. Понятия «теургия» и «теократия» относятся к области идеальной, а не реальной. Но поскольку для В.И. Иванова как символиста идеализм и есть высшая реальность, то подобное умозрение находит себе полное оправдание.

В-третьих. Все тексты В.И. Иванова, которые мы проанализировали в данной статье, дышат любовью, восхищением и преклонением перед гением Ф.М. Достоевского. Нет ни малейшей попытки критики его идей. Всё принимается безоговорочно и безгранично. Эти тексты были написаны с 1916 по 1931 г. Однако, после 1935 г. (точная дата неизвестна) был написан доклад, который имеет название «О "Легенде о Великом Инквизиторе"» [10], в котором происходит «пересмотр» этого произведения Ф.М. Достоевского: «Это одна из возможных утопий... но ничего нового для системы Достоевского здесь нет» [10. С. 76]. Означает ли это смену взглядов В.И. Иванова под воздействием времени и культурно-исторических событий? Или, возможно, жизнь в изгнании и акт экуменизма наложили свой отпечаток на мировоззрение поэта? Так или иначе, но Иванов уже не говорит о теургии как возможном исходе для Родины. Возможно, идеи «русского Шекспира» окончательно отошли для него в прошлое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Келдыш В.А. Вячеслав Иванов и Достоевский // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. — М.: Наследие, 1996. — С. 247–261.
2. Есаулов И.А. «Легион», «соборность», «карнавал». Вяч. Иванов и М.М. Бахтин о художественном мире Достоевского // Вячеслав Иванов — творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения. — М.: Наука, 2002. — С. 268–271.
3. Иванов В.И. Собр. соч. в 6-и т. — Т. IV. — Брюссель: Foyer oriental Chretien, 1987. — 800 с.
4. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Сочинения в 6-и т. Т. 4. — М.: Мысль, 1984. — С. 645–680.
5. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1974. — Т. X. — 520 с.
6. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1976. — Т. XIV–XV. — Т. 1. — 512 с.; Т. 2. — 624 с.
7. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1973. — Т. VI. — 424 с.
8. Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. — Л.: Наука, 1973. — Т. VIII. — 511 с.
9. Иванов В.И. Родное и вселенское. — М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. — 208 с.
10. Иванов В.И. О «Легенде о Великом Инквизиторе» // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. — М.: Русские словари, 1999. — С. 75–80.